

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

С.М. Нарожняя

Белгородский
государственный
университет

e-mail:
narozhnyaya@bsu.edu.ru

В статье изложены результаты изучения ряда произведений древнерусской и старорусской публицистики (XII-XVI вв.), позволившие определить наличие общих проблем, тем, образов. Установлено, что отражение ключевых тем и образов древнерусской публицистики меняется в соответствии с изменениями исторической ситуации. Показано, что выявленный проблемно-тематический спектр обеспечивает преемственность русской публицистики «раннего» периода ее истории, что составляющие проблемно-тематической и образной системы древне- и старорусской публицистики взаимосвязаны.

Ключевые слова: ключевые проблемы, темы и образы русской публицистики донационального периода, историческая ситуация, преемственность проблемно-тематического и образного спектра, взаимосвязь проблемно-тематической и образной системы.

Введение

История социума, его культуры и общественных движений неразрывна с развитием литературы и публицистики – политической, философской, религиозной, морально-этической. Зарождение и становление русской публицистики связано с рядом древнерусских текстов – «Словом о Законе и Благодати» Илариона (XI в.), «Словами» Кирилла Туровского (XII в.), Серапиона Владимирского (XIII в.), повестями Куликовского цикла (2-я пол. XIV – нач. XV вв.) и др., а также с произведениями многочисленных авторов старорусского периода (XV-XVI вв.). Посвящая свои сочинения важнейшим вопросам современной им жизни, осмысливая опыт прошлого и пытаясь предсказать будущее своей страны, известные и неизвестные сегодня авторы обозначили в этих памятниках ряд ключевых тем и вопросов, которые составили своеобразие русской публицистики донационального периода.

В данной работе представлены результаты исследования проблемно-тематического своеобразия текстов древнерусской и старорусской публицистики.

Важной особенностью «ранней» русской публицистики (древнерусский и старорусский период) является то, что, будучи формой политической борьбы своей эпохи, она отражает процесс осмысления политической идеи через обращение к религиозным проблемам, событиям, фактам.

Так, в «Слове о Законе и Благодати» митрополит Иларион, обращается к актуальнейшей идее политического и культурного равноправия Руси среди других христианских народов и впервые в отечественной письменности дает теоретически обобщенное осмысление истории человечества. *«Вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла. И озеро закона вышло, евангельский же источник наводнился и, всю землю покрыв, простерся до нас. Вот уже и мы со всеми христианами славим святую троицу... И уже не идолослужителями зовемся, но христианами, уже не лишенными надежды, но уповающими на жизнь вечную. И уже не жертвенники бесам создаем, но храмы церкви возводим... Все страны благой бог наш помиловал и нас не отверг...Итак, чужими были, а людьми божьими назвались, врагами были, а сынами прозвались»* [1: 53-54]. События становления древнерусской государственности и смены вер в связи с принятием христианства позволяют автору поднять ряд философско-исторических проблем: соотношение власти и закона, мудрости и власти, границ закона не только в религиозном, но и в конкретно-историческом плане.

Осмысление обозначенных и связанных с ними проблем обусловило появление в текстах «ранней» русской публицистики ключевых тем, объединяющих эти тексты.

Патриотическая тема – одна из наиболее популярных в русской публицистике, это обусловлено историческими причинами. С ее воплощением связано создание образа Русской земли. И если «Слово о Законе и Благодати» – это величание, восхваление Руси, после принятия христианства ставшей равноправным членом семьи европейских государств древности, то образ Родины, «светло светлой» и «украшено украшенной», в «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.) – это гимн ее прошлому величию и могуществу и жалоба на нынешнее бедственное состояние, причиной которого стал опустошительный разгром «языка немилостивого», «лютото» и «болезнь» княжеских усобиц. Возродить дух патриотизма в сложное для Руси время Батыева нашествия, вдохновить на борьбу против поработителей призваны «Слова» и «Поучения» Серапиона Владимирского (XIII в.): *«пришел на нас ...народ безжалостный, народ лютый, народ, не щадящий красоты юных, немощи старых, младенчества детей; воздвигли мы на себя ярость Бога нашего...Разрушены Божьи церкви, осквернены сосуды священные, честные кресты и святые книги, затоптаны священные места, святители стали тищей меча, тела преподобных мучеников птицам брошены на съедение, кровь отцов и братьев наших, будто вода в изобилие, насытила землю, сила наших князей и воевод исчезла, воины наши, страха исполняясь, бежали, множество братии и чад наших в плен увели, многие города опустели, поля наши сорной травой поросли, и величие наше унизилось, великолепие наше сгинуло, богатство наше стало добычей врага, труд наш неверным достался в корысть, земля наша попала во власть иноземцам: в поношение мы были живущим окрест земли нашей, в посмех – для наших врагов, ибо познали, будто небесный дождь, на себе гнев Господень! ... А в нашем народе чего не видали мы? войны, голод, и мор, и трясенье земли, и, наконец, – то, что отданы мы иноземцам не только на смерть и на плен, но и в горькое рабство. [2: 377, 381].*

Образ Русской земли в «ранней» русской публицистике, безусловно, меняется не только в связи с событиями истории, но и в связи с осмыслением этих событий. Так, в «Повести о разорении Рязани Батыем» (XIII в.) представление о судьбе всей Русской земли в противостоянии татаро-монгольским ордам аккумулируется в описании сражений за конкретное княжество феодальной раздробленной Руси. И здесь возникает еще одна важнейшая тема всей русской публицистики – тема **народного единства в противостоянии военному противнику**: защита родной земли «всем миром», «единая смертная чаша», испитая всеми рязанцами, – вот та политическая идея, развитие которой в дальнейшем приведет к победе на Куликовом поле, к объединению княжеств вокруг Москвы и созданию новой Русской земли – Московского государства. Примечательно, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» образ Русской земли имеет специфическое воплощение: жена Федора Юрьевича Рязанского, узнав о смерти мужа, отказавшегося отдать ее на поругание Батюю, предпочитает добровольную смерть. И Рязанская земля оказалась во власти Батюя только после смерти ее защитников.

С раскрытием в текстах «ранней» русской публицистики патриотической темы связано создание образов **защитников отечества**. Традиции устного народного творчества оказали значительное влияние на древне- и старорусских авторов: не случайно курский князь Всеволод («Слово о полку Игореве»), рязанский вельможа Евпатий Коловрат («Повесть о разорении Рязани Батыем»), монахи Александр Пересвет и Родион Ослябя («Сказание о Мамаевом побоище») и др. изображаются, как былинные богатыри: *«...Евпатий, богатырь силою, рассек Хостоврула надвое до самого седла. И начал сечь войско татарское и многих известных богатырей Батыевых побил, одних надвое рассекая, а иных до седла раскроил. Татары перепугались, видя, что Евпатий богатырь-исполн. И навели на него бесчисленное множество стенобитных орудий, и начали по нему бить из них, и с трудом убили его» [3: 149].*

Появление «коллективного» героя – защитников Москвы в «Повести о Нашествии Тохтамыша» (XIV в.), с одной стороны, укрепляет мысль о том, что для успешной борьбы с поработителями необходимо уничтожить «рознь», «разделение» князей, с другой – отражает процессы, способствовавшие росту национального самосознания и политическому развитию русичей. Эта тема – **народного единства в противостоянии военному противнику** – остается актуальной и в дальнейшем, в частности в исторической Повести о Царьграде Нестора-Искандера (XV в.), в публицистическом комплексе сочинений И.С. Пересветова (XVI в.) и т. д.

Тема **сильной княжеской (царской) власти** сопряжена в древне- и старорусской публицистике с разработкой образа **идеального правителя**. Так, Даниил Заточник (XII в.) восхваляет, даже чрезмерно, сильную княжескую власть. Особенно ярко, проблемно тема сильной верховной власти раскрывается в сочинениях публицистов XVI в. – И. Пересветова, И. Грозного, А. Курбского и др.

Так, в Пересветовском комплексе изложена целая система взглядов публициста, отражающая его представления об идеальном правителе христианского государства – самодержце, философе и мудреце, храбром военачальнике, способном прислушиваться к советам, учитывать исторический опыт и править «грозно», но на основе «правды» и т.д. [4].

Примечательно, что при создании образа **идеального правителя** древнерусские публицисты довольно часто используют прием контраста. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» упоминаются Ярослав Мудрый, Александр Невский, Борис и Глеб, Александр Македонский, Василий Великий и др., «положительные» персонажи русской и всемирной истории, и князь-предатель, вставший на сторону Мамаю, Олег Рязанский, называющийся здесь «новым Святополком», «Иудой». Более сложное противопоставление при создании образа идеального правителя христианского государства наблюдаем у И. Пересветова: анализируя европейские исторические события середины XV в., публицист подводит своего адресата к заключению: царем, достойным подражания, был захвативший Константинополь Магмет-салтан, но он был мусульманин. Последний правитель Византии, православный царь Константин IX оказался слабым, не сумевшим удержать власть в своих руках и уберечь империю от завоевания.

Размышления на тему **сильной власти** предопределяет, на наш взгляд, создание в древне- и старорусской публицистике не только образа **идеального правителя**, но и собирательного образа **идеального соратника (советника, члена «команды»)** идеального правителя. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» в ситуации военного противостояния в «команде» московского князя и его брата выделяется опытный полководец-воевода Дмитрий Боброк (Волынец). Однако, как правило, **идеал соратника** создается «от противного»: восхваляя князя, в своем «Молении» Д. Заточник подвергает острой критике бояр. Вельможи не должны быть в числе соратников правителя, быть у власти вообще по своим нравственным качествам: «*А Русь Бог да сохрани, – молится купец Афанасий Никитин, – Боже, сохрани ее! ... На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры (вельможи –С.Н.) Русской земли несправедливы*» [5: 371, см. также: 4].

Мечтая «об устройении» жизни на родной земле, древне- и старорусские публицисты, обращаясь в своих текстах к теме **правды и социальной справедливости**. Слово социальный в значении 'относящийся к обществу, к общественным отношениям людей' вошло в употребление в русском языке лишь в середине XIX в. [6: 191]. Однако публицисты говорят о справедливости как о желательных, иногда прогнозируемых, но не существующих в реальности условиях. «*Правда необходима во всяком государственном деле и царстве к укреплению царства, согласно которой каждому человеку причитается заслуженное им, свято и праведно живет*», – пишет Федор Карпов (XVI в.) [7: 353]. «Правда» – многозначное и при этом одно из ключевых понятий в текстах «Пересветовского комплекса»: публицист использует слово «правда» в значении "справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права" [8, 18:96]: *породился от великия мудрости по небесному знамени на исполнение правды в его царстве* (161) [9]. «Правда» у И.

Пересветова также означает "установление, правило, закон": *Правда богу сердечная радость: во царстве своем правду держати, а правда ввести во царство свое, ино любимаго своего не пощадити, нашед виноватаго* (153), а также слово правда употреблено в значении "суд": *будет у него* (Ивана IV – С.Н.) *в его царстве таковая великая мудрость и правда неправедным судиям от его мудрости великия, от бога прироженныя* (174).

Приведем другие примеры: в «Повести о взятии Царьграда» Нестора–Искандера автор объясняет нашествие турок «неисчетными согрѣшными и **безаконными**» жителей города. В своих сочинениях Ермолай-Еразм призывает царя к действиям на благо всего общества – «ко благополучию всем сущим под ним, не единым волможами еже о управлении пещис, но и до последних» [10: 475].

Особое место в древне- и старорусской публицистике занимает тема **взаимоотношений светской и духовной власти, места и роль монашества, их позиция в политических вопросах**.

Так, «Притча о душе и теле» Кирилла Туровского (XII в.) имеет не просто злободневный, но даже памфлетный смысл. Содержание притчи (хозяин виноградника назначил сторожить его слепца и хромца, надеясь, что они не смогут украсть: хромец не убежит, слепец не увидит. Однако сторожа сговорились: хромец сел на слепца и указывал ему путь. Так согрешают в сговоре душа, не имеющая телесности, и тело) позволило автору выразить свое мнение о взаимоотношении церковной и светской власти своего времени. Слепец – аллегория души и одновременно намек на епископа Федора, Хромец – аллегория тела и в то же время намек на князя Андрея Боголюбского. Так, пытаясь учредить во Владимире независимую от киевского митрополита епископию, сговорилась и духовная власть со светской.

Иначе представлена роль духовенства в «Сказании о мамаевом побоище»: Сергей Радонежский, благословляя Дмитрия московского на битву, дает ему в помощь двух монахов-богатырей, которые на поле боя кладут «голова свои за святыя церкви, за землю Русскую и за веру христианскую».

Константинопольский патриарх Анастасий («Повесть о Царьграде» Нестора–Искандера и затем Сочинения И. Пересветова) – тот представитель духовной власти, который не смог предотвратить нравственного кризиса в Византии: *«Еще было мне того лютее от тебе и грузчая: что еси наместник престола моего святого, божественнаго, в мое место Христова, пастырь веры христианьския и учитель царю и всему миру; царь сшед с праведнаго суда, и весь мир прельстился на нечистое собрание, суд был их лукав и слезен, слезы и кровь мира сего, рода христианскаго, неповинно осуждал и брызгали на образы моя святыя чудотворныя от лукавых судей и от неправеднаго суда их; а твоего поучения святителскаго к ним не было и на путь еси их мои святыи не правил»* (150).

Тексты «ранней» русской публицистики отражают распространение гуманистических идей, в частности, одной из сквозных тем становятся **взаимоотношения с военным противником**. В ряде памятников XII–XIII вв. военный противник – это безусловный агрессор, грабитель и губитель.

Однако в «Повести о разорении Рязани Батыем» примечателен эпизод: тело убитого Евпатия Коловрата принесли Батыю, *«и все стали дивиться храбрости, и силе, и мужеству рязанского воинства»* И сказали они царю: *«Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвецов не видали, ни отцы наши не поведали нам о таких. Ибо это люди крылатые и не имеющие <страха> смерти. Так храбро и мужественно они сражались: один бился с тысячей, а два – со тьмою. Никто не смог уйти от них живым со сражения!»*.

Царь Батый, глядя на тело Евпатия, сказал: *«О Евпатий Коловрат! Здорово ты меня попотчевал с малою своею дружиною! Многих богатырей сильной орды убил, и много войск пало. Если бы у меня такой служил, любил бы его всем сердцем»*. [3: 149]. Обратившись к рязанским воинам, сказал Батый, чтобы взяли тело господина своего и похоронили с воинскими почестями. Иными словами, военный противник, в иных ситуациях проявивший себя безнравственно, сумел оценить мужество русского богатыря.

В «Задонщине», памятнике Куликовского цикла, гуманистическая идея проявилась в том, что автор не только внимателен к изображению внутреннего состояния победивших, но и в традициях фольклорных «плачей» изображает побежденных врагов достойными жалости.

Примечательно, что в Сочинениях воинника И. Пересветова военный противник всегда называется «недругом», с ним ведется «смертная игра» в поле, в то же время для названия внутренних противников используется слово «враг».

Церковная полемика рубежа XV – XVI вв. также демонстрирует проникновение гуманистических идей в русскую публицистику. **Отношение к еритикам** – одна из тем полемики между представителями «иосифлян» и «нестяжателей». Показательны в этом плане «Слово об осуждении еритиков» Иосифа Волоцкого и «Ответ кирилловских старцев...» Вассиана Патрикеева: в ответ на инквизиторскую позицию «иосифлян» заволжские старцы отвечают: «*нераскающихся и непокорных еретиков предписано держать в заключении, а покаявшихся и проклявших свое заблуждение еретиков божья церковь принимает в распростертые объятия*» [11: 359].

Важное место в древне- и старорусской публицистике занимает тема **ума (мудрости)**. Гордясь своей образованностью и своим умом, Даниил Заточник (XII в.) рассчитывает на мудрость и дар художественного слова и претендует на роль княжеского советника, посла и ратора, и потому обращается к князю с просьбой помиловать его и вернуть в княжескую дружину. Развивая тему ума, Даниил в «Молении» высказывает также мысль о том, что человек ценен не только и даже не столько храбростью и силой, сколько разумом. Эту тему продолжает И. Пересветов, рассказывая о том, что и к Августу-кесарю, и к Александру Македонскому в «убогом образе» пришли воинники и «великие» мудрости принесли воинские.

С темой ума в сочинениях И. Пересветова связана тема **книжной мудрости**: христианские книги являются источником правды: *А все то царь Магмет-салтан списал со христианских книг ту мудрость, таковому годится христианскому царю божию волю делати* (157).

Для Пересветова **книга** – неоспоримый авторитет и источник мудрости, недаром одно из произведений комплекса – Сказание о книгах. Для публициста важно, что: 1) христианские книги воплощают кодекс общечеловеческой морали: *А ту мудрость царь Магмет снял з греческих книг, образец – таковым было греком быти* (154); 2) книга помогает осознанию прошлого и настоящего, поэтому может предсказать будущее: *Да и то начитают в мудрых книгах своих, что введешь правду великую в царстве своем* (172). В сочинениях Пересветова упоминаются и книги, имевшиеся в Турции: они тоже были источниками «мудрости»: *Царь турецкой Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турецким* (151).

Заключение

В работе представлены результаты исследования проблемно-тематического своеобразия русской публицистики донационального периода: в текстах древне- и старорусской публицистики выделяются ключевые темы и образы, связывающие произведения разных периодов русской истории и культуры.

Список литературы

1. Слово о законе и благодати ... // Поляков Л.В. Философские идеи в культуре Древней Руси: Историко-философский очерк. Приложение I. – М.: Знание, 1988. – 63 с.
2. Слова и поучения Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева. Вып. 3: XIII в. – М.: Худож. лит., 1981. – 620 с.
3. Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева. Вып. 3: XIII в. – М.: Худож. лит., 1981. – 620 с.
4. См. подробнее: Нарожняя С.М. Публицистический комплекс сочинений И.С. Пересветова: основные идеи // Журналистика и медиаобразование-2007: сб. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 1-3 октября 2007 г.): в 2 т. Т. I / под ред. проф. А.П. Короченского. – Белгород, 2007. – С. 132-139.
5. Никитин А. Хожение за три моря // Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева. Вып. 5: Вторая половина XV в. – М.: Худож. лит., 1984. – 570 с.

6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современный русского языка: 13 560 слов: В 2 тт. Т. 2.- М.: Рус. яз., 1993. – 560 с.
7. Карпов Ф. Послание митрополиту Даниилу // Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева. Вып.6: Конец XV – первая половина XVI вв. – М.: Худож. лит., 1985. – 584 с.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975 и сл. (по выпускам).
9. Сочинения И. Пересветова / Подготовил текст А.А. Зимин. Под ред. Д.С. Лихачева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 123-184. (Ссылки на это издание (полная редакция, музейный список) даются с сохранением орфографии и пунктуации; цифра, данная в скобках, указывает страницу).
10. Ермолай-Еразм. Правительница. Наставление в землемерии царям, если им угодно // Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева. Вып.6: Конец XV – первая половина XVI вв. – М.: Худож. лит., 1985. – 584 с.
11. Патрикеев Вассиан. Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков // Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева. Вып.6: Конец XV – первая половина XVI вв. – М.: Худож. лит., 1985. – 584 с.

PROBLEM AND THEMATIC ORIGINALITY OF OLD RUSSIAN PUBLICISM

S. M. Narozhnyaya

Belgorod State University

e-mail:

narozhnyaya@bsu.edu.ru

In this article we state the results of the analysis of selected works of Old Russian publicism (XII-XVI cent.). It lets us determine the existence of common problems, topics and characters. Key topics and characters change in accordance with a historical situation, the problem and thematic spectrum is observed in all texts of this period.

Key words: key problems, topics and characters of Old Russian publicism, historical situation, succession of problem, thematic and typical spectrums, correlation of problem, thematic and typical systems.